

отказать вам. Но боже сохрани! Недуг этот убивает только тех, кто и без него умер бы очень скоро.

– А по-моему, госпожа моя, – сказал Сафредан, – нет потребности большей, нежели эта: она заставляет позабыть обо всех остальных, ибо, когда человек сильно любит, ему не нужно ни хлеба, ни другой еды, а только один взгляд, одно слово любимой женщины.

– Если бы вас заставили поголодать и не дали вам еды, вы заговорили бы по-другому, – сказала Уазиль.

– Уверю вас, – воскликнул Сафредан, – что плоть человека может не выдержать, но чувство и воля выдержат всегда.

– Так, стало быть, – сказала Парламанта, – господь оказал вам большое благодеяние, послав туда, где любовь приносит вам так мало радости, что приходится искать утешение в еде и питье. А делаете вы это с таким усердием, что вам следовало бы благословлять бога за столь сладостную жестокость.

– Мне столько довелось испытать настоящих страданий, – сказал Сафредан, – что я уже начинаю благословлять те муки, на которые жалуются иные.

– Скажите, а может быть, ради того чтобы слушать наши сетования, вам приходится отказывать себе в обществе, которое вам приятно и где вы являетесь желанным гостем, – сказала Лонгарина, – нет ведь ничего более досадного, чем навязывать кому-то свои чувства.

– Но предположите только, – воскликнул Симонто, – что жестокая дама...

– Знаете что, если мы станем слушать до конца все, что захочет высказать Симонто, а вопрос этот особенно затрагивает его, – сказала Уазиль, – мы придем только к самому концу вечерни. Давайте лучше возблагодарим господа за то, что день этот у нас прошел без больших разногласий и споров.

Она поднялась с места первая, и все остальные последовали за ней. Но Симонто и Лонгарина все еще продолжали спорить – и так нежно, что, не прибегая к шпаге, Симонто одержал победу, доказав, что сильная страсть и есть насущная потребность. Разговаривая так, они вошли в церковь, где их поджидали монахи. После вечерни все отправились ужинать, и ужин их состоял не только из хлеба, но и из речей, ибо разговор свой они продолжали все время и встали из-за стола только тогда, когда Уазиль сказала, что пора отдыхать, что рассказы, которыми они заполнили эти дни, были очень интересны и она надеется, что и шестой день не уступит первым пяти, ибо невозможно даже выдумать истории более занимательные, чем те истинные происшествия, которые рассказывали в их компании.

Но Жебюрон заметил, что пока мир будет существовать, будут все время совершаться разные происшествия, стоящие того, чтобы их запомнить.

– Коварство людей всегда остается таким, каким оно было, – сказал он, – как и добродетель людей добрых. Покуда коварство и доброта будут царить на земле, всегда будет совершаться нечто новое, хотя и написано, что ничто не ново под солнцем. Что же до нас, то мы ведь не были приглашены на тайный совет к господу богу, – мы не знаем первопричины всего, и поэтому все, что создается вновь, кажется нам тем более восхитительным, чем менее мы сами склонны или способны что-либо сотворить. Поэтому не бойтесь, что дни, которые последуют за этими, окажутся менее интересными, чем прошлые, и со своей стороны подумайте о том, чтобы хорошо исполнить свой долг.

Уазиль сказала, что она полагается на господа, и, благословив их, пожелала всем спокойной ночи. На этом все разошлись по своим комнатам, и окончился пятый день.

Конец пятого дня

День шестой

В шестой день идет разговор о том, как мужчины обманывают женщин, женщины – мужчин и женщины – женщин, побуждаемые скупостью, коварством или жаждой мести.

Вступление